

БЕСЕДЫ О РЕМЕСЛЕ

Ким САРАНЧИН

СЕКРЕТ БЫСТРОПИСАНИЯ

Я только хотел распрощаться с Володей Фирсовым, как во дворе Герценовского дома появился крупный мужчина в модном коротком пальто, в модной мохнатой меховой шапке. В правой руке он твёрдо и крепко держал туго набитый большой чемодан из жёлто-лиловой кожи, тоже модный по тем временам. В общем, по его экипировке сразу было видно, что у человека имеются средства на покупку таких дорогих вещей.

Крупноголовый человек недоумённо оглядел пустой позднеосенний двор, затем решительным шагом приблизился к нам. Широкое лицо его выражало озабоченность и озадаченность.

— А что, студенты, — спросил он густым баритоном, — автобус до Перedelкино скоро пойдёт?

— Через сорок минут, — ответил я. И зачем-то добавил: — Я тоже его жду.

— Ясно, — сказал человек с чемоданом. — А буфет работает?

— На месте тётя Шура, — ответил Володя Фирсов, пожившись в своем тонком демисезонном пальтишке. — Так что можете в буфете посидеть, пока автобус подойдет.

— Ну что ж, студенты, айда в буфет! — сказал незнакомец. И враз заметил наше смущение, проговорил весело и даже с каким-то удовольствием: — Денег у вас, конечно, нету? Не робейте, я угощаю! — Он поставил чемодан на асфальт, широким жестом протянул нам крупную ладонь: — Я — Владимир Тендряков, будем знакомы. — И широко, по-детски улыбнулся, видимо, довольный произведённым эффектом при произнесении своей фамилии... — Вот так-то, студенты! — Он подхватил свой объёмный чемодан и зашагал впереди нас к зданию Литинститута, а мы с Володей Фирсовым охотно последовали за ним, перебрасываясь весёлыми взглядами.

Честно говоря, мне очень понравилась откровенная гордость Владимира Тендрякова самим собой. Ему тогда не было и сорока лет — встреча эта наша с ним происходила в конце октября или в начале ноября 1955 года — а его рассказ «Ухабы» и повесть «Не ко двору» были широко известны не только в литературных кругах, но и среди широкой читательской массы, как тогда говорилось. И кинофильм «Чужая родня», поставленный по повести «Не ко двору», уже должен был вот-вот выйти на экраны. А кинофильмов в ту пору выпускалось очень и очень мало... Ну, как тут не гордиться таким успехом, тем более перед студентами Литературного института, который Владимир Тендряков закончил совсем недавно. Именно писательская гордость сквозила в поведении Владимира Фёдоровича, и именно эта черта и приглянулась мне в первые минуты нашего знакомства с ним. Мы с Воло-

дей Фирсовым хотя и были ещё первокурсниками, но уже встречались со снобистски зазнавшимися молодыми поэтами, напечатавшими в центральной прессе несколько стихотворных строчек. Впрочем, среди студентов Литературного института встречались и не опубликовавшие ни строчки, но ходившие с высоко задранными и плохо выбритыми подбородками непризнанных гениев. Таких, слава богу, так и не признали ни современники, ни потомки. Правда, они вечны, эти непризнанные гении, и они постоянно появляются в литературных объединениях, в редакциях газет и журналов, в издательствах, в писательских организациях... Мы вошли в Герценовский дом, по низким ступенькам спустились в цокольное помещение, где располагался институтский буфет.

— Привет, тётя Шура! — весело поздоровался с нею Тендряков, однако без всякой тени фамильярности. — Как поживаем?

— А, Володя, здравствуй, здравствуй! — узнала его тётя Шура, старая буфетчица. Она, видимо, знала многие поколения молодых литераторов, прошедших учёбу в нашем институте. Да и как не знать, если на каждом курсе учились всего по тридцать человек.

— Всё студентиков подкармливаю, что же мне ещё делать.

— Слышала, Володя, о твоих успехах, слышала... Молодец! И по одежке твои успехи видны... — Она метнула на нас с Фирсовым острый, пронизательный взгляд. — Водочки выпьешь и студентов угостишь? — Она полезла рукою под прилавок.

— Не-ет, тётя Шура! — всё тем же весёлым тоном остановил её Тендряков. — Не буду спавать молодые таланты. И сам воздержусь, в переделкин-ский Дом творчества еду. Работать надо и много, и срочно. А вот пивка выпьем. И студентов подкорми, я плачу, — шутливо проговорил он и сел за стол.

Мы устроились возле него. На столе появились бутылки пива, тарелки с котлетами, бутерброды с ветчиной. Мы с Фирсовым жадно набросились на еду.

— Эх, и мне молодость вспомнить, что ли!.. — И Владимир Тендряков подхватил с тарелки бутерброд, поднёс его ко рту и со вкусом надкусил. — И впрямь, студенческая еда вкусна!

Владимир Фёдорович оказался прекрасным собеседником. Он живо и, главное, с пытливым интересом расспрашивал меня и Володю Фирсова об институтской общественной и литературной атмосфере, о наших литературных симпатиях и антипатиях, что мы читаем, как относимся к тому или иному писателю, которые активно работали в литературе в те годы, и просто о студенческом житье-бытье... И ему просто невозможно было не рассказывать подробно и чистосердечно, потому что было видно, что он интересуется не от обычной вежливости, а от души, от истинного любопытства, от жажды узнать многое и до мельчайших чёрточек и нюансов, приметных только настоящему и истинному писателю. А истинный, настоящий

писатель, по моему твёрдому убеждению, узнаётся не только по его произведениям, но и по тому, как разговаривает и расспрашивает собеседника. А важничающий писатель большею частью любит говорить сам и к тому же и поучать слушателя...

Володя Фирсов уехал к себе домой в Люблино, где он тогда проживал, а я вместе с Владимиром Фёдоровичем Тендряковым поехал в Переделкино. В автобусе были лишь два-три таких же, как и я, задержавшихся в Москве студента, да одна женщина — видать, писательская жена, семья которой проживает в Переделкинском городке писателей. Владимира Тендрякова никто из них в лицо не знал, никто не заговаривал с ним, как обычно это пытаются делать с восходящими знаменитостями, и потому мы спокойно сидели рядом, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Весёлое оживление спало с Владимира Фёдоровича, и он в молчаливой задумчивости то и дело посматривал в окно, за которым уже вихрился лёгкий предзимний снежок. Я не приставал к нему с расспросами, боясь быть назойливым. Да и о чём расспрашивать? У него уже литературная слава, все журнальные и издательские двери широко распахнуты перед ним... Только трудись, только работай. А у меня что? Многочисленные напечатанные журналистские зарисовки и другие материалы, два опубликованных рассказа и рукопись приключенческой повести для детей, с которой я поступал в Литературный институт им. Горького... А что впереди? Впереди всё зыбко, туманно, непредсказуемо, непредвиденно, скользко, вязко, как на Тендряковских «ухабах»... Остался бы лучше в Кемерове или Брянске, где я работал в областных комсомольских газетах и считался ведущим молодым журналистом, поступил бы в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ или заочно окончил бы педагогический институт, а заодно и попутно выпустил бы в областных издательствах несколько книг и стал бы членом Союза писателей СССР; уже сейчас, в свои двадцать четыре года... Такова была в те времена обычная судьба молодых периферийных литераторов — спокойная, неторопливая, заранее запланированная, с выпуском обычных пухлых книг, содержание которых напоминало обыкновенные журналистские очерки, но только лишь расписанные на сотни страниц... А у меня пока двое детей и ни одной выпущенной книги... Не поторопился ли я поступить на стационар Литературного института? Но ведь такой известный писатель и публицист, литературовед Александр Исбах настойчиво рекомендовал мне в своей внутренней рецензии поступить именно на стационар, а не на заочное отделение, как я писал в своём заявлении... А мнения писателей в те годы ой как ценились и имели вес! Да и жена решительно сказала:

— Конечно же, поступай на очное отделение! Учились ведь мы с тобой в Томске на две стипендии... А теперь у меня диплом, я работаю. Да и ты, как и прежде, будешь подрабатывать в газетах и журналах: ты, я ведь знаю, без журналистики жить не можешь.

И вот я в святая святых молодых начинающих литераторов — в Литературном институте им. Горького при Союзе писателей СССР... Сколько здесь самоуверенных и, главное, пробивных талантов! Причём они не только нахраписто лезут вперёд, а и отталкивают скромных неумех и наивняков, считающих литературу высоким и прекрасным искусством, а не с мягким седлом золотым Пегасом, от эксплуатации которого можно удобно и комфортабельно катить по жизни... Лично я принадлежал и принадлежу к тем, кого отталкивают, но я всё-таки предпочитаю не влезать в толпу, где главным орудием являются локти, — наверное, потому, что я брезглив и не терплю нечистоплотных людишек... Главную работу истинный писатель делает за письменным столом, а не унижительным обиванием редакционных и издательских порогов. Но как всё-таки найти самого себя в такой литературной толкотне и шумихе? И я интуитивно, а может, и сознательно, тянулся к письменному столу: я ежедневно корпел над чистым листом бумаги, ощущая счастливые миги от сладостных мук творчества...

Вот приблизительно таким образом размышлял я, сидя в автобусе рядом с Владимиром Тендряковым. А автобус уже тяжело петлял по переделкинским улочкам и вскоре сделал конечную остановку. Я подхватил тендряковский кожаный чемодан, оказавшийся весьма весомым, и мы вышли на улицу. Прошли несколько сот метров по скрипучему первоснежью. В летящем снегу на столбах желтели уличные фонари. Тендряков остановил меня, тронув за плечо.

— Ну, дальше я сам. А ты дуй домой, студент. Ты где живёшь? А, на даче Сельвинского, знаю, знаю... — Владимир Фёдорович протянул мне руку. — Спасибо за компанию. Звони.

Я пожал его крепкую, сильную руку и не утерпел, выдал из себя мучивший меня вопрос:

— Владимир Фёдорович, в журналах почти каждый месяц появляются ваши новые рассказы и повести, да и очерки... И как вы так быстро успеваете писать, и причём хорошие вещи?

Тендряков весело и громко рассмеялся, а потом неожиданно стал серьёзен:

— Секрет очень простой, Ким. У каждого истинного писателя в ящиках письменного стола всегда лежат неопубликованные рукописи. Ну, а когда писатель завоевывает известность и у него появляется литературное имя, редакции и издательства начинают просить у него новые произведения. Вот я быстренько и перекраиваю свои старые рукописи на новый лад. Ну, разумеется, пишу и новые произведения. А когда тебе заказывают и обещают опубликовать, работается быстро и, главное, уверенно. — В голосе Тендрякова вновь появились весёлые нотки. — Ты ведь сам журналист, так что должен сознавать, для чего нужна необходимость быстрописания... Дай себе главную установку: работать и работать в поте лица своего... А дальше всё приложится. Понял?

Я понял. Правда, немного позднее, когда стал лет на двадцать старше того Владимира Тендрякова, которого я встретил поздней осенью 1955 года. За это время в ящиках моего письменного стола накопилось немало неопубликованных рукописей. Дело осталось за малым: завоевать литературное имя и получить известность...